

Шэнь Чжэньжэнь на жертвенном алтаре сразу заметил Оуяна — его лицо. Хотя он не был склонен к мужчинам, но любовь к красоте присуща всем, и Шэнь Чжэньжэнь ещё не достиг высшего уровня культивации, где «форма есть пустота». Спустившись с алтаря, он специально обошёл трибуну, где стоял Оуян, чтобы как следует рассмотреть его.

Однако, едва приблизившись, Шэнь Чжэньжэнь с изумлением обнаружил, что этот человек не подвержен воздействию талисмана сокрытия и пристально смотрит прямо на него.

Прежде чем Шэнь Чжэньжэнь успел понять, была ли это случайность или иллюзия, расстояние между ними сократилось настолько, что они почти оказались лицом к лицу.

В тот миг Шэнь Чжэньжэнь почувствовал, как кровь в его жилах закипела, а духовная сила взволновалась, все его чувства кричали ему предупреждение: он встретил собрата по пути, и притом старшего по уровню!

Шэнь Чжэньжэнь сразу же напрягся —

Разве он не императорский супруг? Как его уровень культивации может быть выше, чем у прямого ученика Секты Дао?!

Оуян, стоявший напротив, тоже был в недоумении.

Оуян уже заметил, что направление движения Шэнь Чжэньжэня было несколько странным, но он стоял в слишком важном месте, и малейшее движение могло привлечь внимание окружающих — независимо от того, обращали ли на него внимание чиновники позади, Ци Юньхэн на жертвенном алтаре точно следил за ним. На протяжении всей церемонии их взгляды пересекались бесчисленное количество раз.

Таким образом, Оуян мог только наблюдать, как Шэнь Чжэньжэнь подходит всё ближе и ближе, а выражение его лица меняется от спокойного к изумлению, а затем к ужасу.

К счастью, уровень Оуяна был достаточно высок, чтобы подавить противника, и напуганный Шэнь Чжэньжэнь, как испуганный зверь, взъерошился, полностью забыв о возможности перейти к конфронтации.

Учитывая, что его подчинённые нуждались в этом человеке, а самому Оуяну также было необходимо поддерживать с ним мирные отношения, он быстро убрал своё духовное чутьё, спокойно улыбнулся Шэнь Чжэньжэню и с помощью магии передачи мыслей произнёс:

— Друг, не стоит тревожиться. Я всего лишь человек, связанный мирскими узами, вступивший на путь самосовершенствования. Надеюсь, вы проявите снисхождение, и это будет взаимовыгодно.

Услышав слова Оуяна, не лишённые предупреждения, Шэнь Чжэньжэнь собрался с духом, долго колебался, но в конце концов не решился на провокацию, поклонился Оуяну, как младший ученик Секты Дао, а затем, поджав хвост, поспешно ретировался.

Оуян тоже внутренне вздохнул с облегчением.

Собственно говоря, они с Шэнь Чжэньжэнем были как два страха, столкнувшиеся друг с другом.

После своего возрождения Оуян ещё не сталкивался с живыми культиваторами и не знал, как

именно следует драться между собой. Естественно, у него не было уверенности в лёгкой победе.

Кроме того, если бы дело дошло до драки, победа была бы лишь одной стороной вопроса, но императорский дворец точно пришлось бы покинуть, что неизбежно повлекло бы за собой неприятности для Ци Юньхэна и даже могло бы разрушить целую империю, ввергнув мир в хаос.

— Война без выгоды неприемлема, мир — это выбор, приносящий пользу обеим сторонам!

— Если бы только можно было мирно сосуществовать!

Оуян мысленно обратился к Будде.

Однако прежде чем Оуян успел полностью расслабиться, Ци Юньхэн на жертвенном алтаре снова метнул в него молнию, от которой Оуян чуть не сгорел.

Основные этапы церемонии уже завершились, и, воспользовавшись моментом, Ци Юньхэн издал два указа. После того как Ци Юйси сменила имя на Ци Юйлинь, он публично объявил о возведении Оуяна в ранг Девятитысячелетнего, с титулом, равным княжескому, и приказал всем принцам и принцессам называть его «императорским отцом» и относиться к нему с уважением.

— Тебе бы самому быть Девятитысячелетним, и всей твоей семье тоже!

Оуян был в ярости, но не мог ничего поделать.

В его мире ещё не было прецедентов, чтобы евнухи обладали такой властью, и титул Девятитысячелетнего не стал синонимом главного евнуха. Однако Царство Призраков связано со многими мирами, и, найдя правильный узел, можно заглянуть в другие миры и даже войти в них. Ни один из его подчинённых, вернувшихся с ним в этот мир, не мог не знать о значении этого титула.

Оуян уже представлял, как его подчинённые будут смеяться, особенно Су Су, которая наверняка будет кататься по полу от смеха, а затем серьёзно скажет: «Отрежь это!»

— Вот это сюрприз! Лучше бы это был просто испуг!

Оуян сжал кулаки, размышляя, как можно отблагодарить своего супруга за такой «сюрприз».

К этому времени церемония полностью завершилась, и, посчитав время, она закончилась как раз к полудню.

Согласно заранее составленному плану, императорская семья должна была покинуть место первыми, за ними следовали чиновники и их родственники.

Перед тем как чиновники покинут дворец, слуги раздадут каждому из них небольшую банку «счастливого» вина — вино было крепким и ароматным, но банка, в которой оно находилось, изначально предназначалась для солений, размером с кулак, и всё это было предоставлено Оуяном по дружеской цене.

Оуян всегда относился к Ци Юньхэну по принципу «долг платежом красен», независимо от того, насколько близки они были в постели, в финансовых вопросах всегда всё должно было

быть чётко и ясно — можно было задолжать, можно было оставить расписку, но ни в коем случае нельзя было брать что-то даром.

Расходы на это вино были записаны на счёт ещё не созданного Управления внутреннего двора, а что касается того, как чиновники воспримут это вино, что с ним сделают, выпьют ли его, поставят ли на алтарь или даже осмелятся перепродать, Оуян и Ци Юньхэн не интересовались и не вмешивались.

Главная цель этой банки вина заключалась в том, чтобы стать носителем памяти, чтобы те, кто получил «счастливое» вино, навсегда запомнили сегодняшнюю церемонию.

До самого конца церемонии Ци Юньхэн так и не представил Шэнь Чжэньжэня и не рассказал о его происхождении. Но чем больше он скрывал, тем больше любопытства вызывал у тех, кто видел эту церемонию и услышал о сегодняшних событиях, заставляя их всеми способами пытаться выяснить подробности у приближённых императора.

В этот момент заранее подготовленные люди Ци Юньхэна осторожно раскрывали информацию о происхождении Шэнь Чжэньжэня, позволяя другим в процессе передачи добавлять свои фантазии и преувеличения, в конечном итоге достигая цели пропаганды, что императорская власть дарована Небом, и даже отшельники высокого уровня склоняются перед императором.

Люди страны — они склонны сомневаться в том, что им говорят напрямую, но если они сами что-то выяснят, то будут верить этому безоговорочно — даже если это всего лишь догадка, прошедшая через множество уст и ушей.

Но именно такого результата и хотел Ци Юньхэн.

Таким образом, банки «счастливого» вина станут не просто носителями, но и инструментами, которые помогут распространителям этой истории найти ключ и открыть дверь для обсуждения.

Конечно, у всего есть свои плюсы и минусы.

Наслаждаясь плодами своей пропаганды, Ци Юньхэн также опасался возможного удара в спину.

Перед началом церемонии он отдал приказ Страже Золотого Клинка, которая постепенно распространялась по всей стране, строго следить за еретическими сектами и злыми культами, чтобы при малейшем признаке их появления сразу же докладывать, дабы избежать разрастания проблемы, которая в итоге могла бы обернуться против самого Ци Юньхэна.

Но такие проблемы, если и возникнут, то только в будущем.

Сегодня церемония прошла успешно, Шэнь Чжэньжэнь удалился без сожаления, Ци Юньхэн достиг своей цели и был доволен. Лишь Оуян был немного не в духе, но не настолько, чтобы это стало серьёзной проблемой.

Однако мир любит преподносить сюрпризы, и Оуян думал, что сегодняшняя встреча и удар молнии уже достаточно, но оказалось, что после церемонии его ждал ещё один сюрприз.

Поскольку императорская семья должна была покинуть место вместе, Оуян, выйдя с трибуны, направился к Ци Юньхэну под руководством слуги.

Когда между ними оставалось всего пять-шесть метров, из-за спины Ци Юньхэна выскочила маленькая фигурка, бросилась к Оуяну и с грохотом упала на колени, трижды ударившись лбом об землю.

Оуян чуть не поднял ногу, чтобы отшвырнуть её, но в последний момент понял, что это младшая дочь Ци Юньхэна, только что переименованная в Ци Юйлинь, и остановился.

— Что ты делаешь? — холодно спросил Оуян, хотя сомневался, сможет ли пятилетняя девочка понять его слова.

— Спасибо... спасибо, императорский отец, за спасение! — Ци Юйлинь явно нервничала, но говорила чётко. — Юйси... нет, Юйлинь ещё маленькая, ничего не может сделать и не может отблагодарить, но то, что императорский отец спас Юйлинь, она запомнит навсегда!

— Только бы это не было благодарностью в стиле «спасибо твоим предкам»!

— И когда я вообще тебя спасал?

Оуян привык сомневаться во всём и ко всему относиться с подозрением, поэтому к словам Ци Юйлинь он отнёсся скептически.

[Авторских примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16203/1454555>